Рассказ человека, оказавшегося за бортом корабля

Автор:
Габриэль Маркес

Рассказ человека, оказавшегося за бортом корабля

Габриэль Гарсия Маркес

Одна из ранних книг Маркеса.

«Документальный роман», посвященный истории восьми моряков военного корабля, смытых за борт во время шторма и найденных только через десять дней.

Что пережили эти люди? Как боролись за жизнь?

Обычный писатель превратил бы эту историю в публицистическое произведение – но под пером Маркеса реальные события стали основой для гениальной притчи о мужестве и судьбе, тяготеющей над каждым человеком. О судьбе, которую можно и нужно преодолеть…

Габриэль Гарсиа Маркес

Рассказ человека, оказавшегося за бортом корабля

Рассказ человека, выброшенного за борт корабля, десять дней продрейфовавшего на плоту без еды и питья, объявленного национальным героем, удостоившегося поцелуя нескольких королев красоты, разбогатевшего на рекламных объявлениях, а потом впавшего в немилость у правительства и забытого навсегда.

История этой истории

28 февраля 1955 года поступило сообщение о том, что во время грозы на Карибском море восемь членов экипажа эскадренного миноносца «Кальдас» свалились в воду и пропали без вести. Корабль шел из американского порта Мобил, где его отремонтировали, в колумбийский порт Картахену, куда и прибыл точно по расписанию через два часа после трагедии. Поиски пропавших моряков начались немедленно, причем не без содействия американских вояк, контролирующих зону Панамского канала и занимающихся прочей благотворительной деятельностью на юге Карибского моря. Через четыре дня поиски прекратились, и пропавших моряков официально объявили погибшими. Однако через неделю один из них, едва живой, объявился на пустынном берегу на севере Колумбии, продрейфовав десять дней на плоту без воды и пищи. Его звали Луис Алехандро Веласко. Моя книга – это журналистская запись его рассказа, и я публикую ее в том самом виде, в каком она появилась через месяц после катастрофы на страницах газеты «Эспектадор», выходящей в Боготе.

Пытаясь воссоздать шаг за шагом злоключения Луиса Алехандро, мы с ним не думали и не гадали, что наши утомительные изыскания повлекут за собой цепь новых приключений, которые серьезно взбудоражат общество и за которые он поплатится славой и карьерой, а я чуть не поплачусь жизнью. Колумбия была тогда под пятой военного диктатора – весьма колоритного персонажа – генерала Густаво Рохаса Пинильи, прославившегося в основном двумя подвигами: расстрелом студентов в центре столицы, когда солдаты пулями разогнали мирную демонстрацию, и убийством любителей воскресного боя быков. Как много их пало от рук агентов тайной полиции, видимо, так и останется тайной, покрытой мраком, а убили их за то, что они освистали на площади во время корриды дочь диктатора. Цензура свирепствовала, и оппозиционные газеты каждый день ломали голову, выдумывая занимательные, но далекие от политики темы, которыми можно было бы заинтересовать читателей. В газете «Эспектадор» сия почтенная задача по выпечке однодневных сенсаций была возложена на директора Гильермо Кано, главного редактора Хосе Салгара и на меня, штатного корреспондента. Никому из нас еще не перевалило за тридцать.

Когда Луис Алехандро Веласко собственнолично пожаловал к нам узнать, сколько мы ему заплатим за рассказ, мы встретили его прохладно, и неспроста: сенсация была уже не первой свежести. Его продержали несколько месяцев в госпитале для моряков, куда пускали (если не считать тайком прокравшегося

под видом врача репортера оппозиционной газеты) только представителей лояльной прессы. Историю много раз рассказывали частями, мусолили и перевирали, и, похоже, читателям уже приелся герой, которого нанимали рекламировать часы, потому что его собственные работали безотказно даже в шторм, или расхваливать обувь, поскольку его ботинки оказались настолько прочными, что, решив ими пообедать, он не смог оторвать от них ни кусочка.

Луис Алехандро получил орден, произносил патриотические речи по радио, его показали по телевидению в назидание подрастающему поколению и под фанфары, забрасывая цветами, провезли почти по всей стране, чтобы он раздавал автографы и получил поцелуи от королев красоты. Он прилично на всем этом заработал. И если, после того как мы столько раз тщетно пытались с ним встретиться, он сам, без приглашения, явился к нам, значит, рассказы его истощились и он был готов за деньги наплести что угодно. Вдобавок правительство явно дало ему четкие указания, о чем говорить, а о чем помалкивать. Мы его отфутболили. Но потом, словно по наитию, Гильермо Кано догнал Луиса Алехандро на лестнице, принял его предложение и препроводил ко мне. И это оказалось своего рода бомбой замедленного действия.

Первым сюрпризом было для меня то, что этот крепкий двадцатилетний парень, похожий скорее на трубача, нежели на национального героя, обладал прекрасным даром рассказчика, способностью к обобщению фактов, потрясающей памятью и этаким простонародным чувством собственного достоинства, не позволявшим ему кичиться своим героизмом. За двадцать шестичасовых сеансов, во время которых я делал пометки в блокноте и задавал каверзные вопросы, пытаясь подловить его на противоречиях, нам удалось составить сжатый и правдивый рассказ о десяти днях, проведенных Луисом Алехандро в море. Он получился таким цельным и захватывающим, что передо мной стояла единственная литературная задача: заставить читателей в него поверить. Поэтому, но не только поэтому, а еще и справедливости ради мы решили написать рассказ от первого лица и поставить под ним подпись Луиса Алехандро. Так что сегодня я вообще-то впервые выступаю как автор этого текста.

Второй, причем гораздо больший, сюрприз Луис Алехандро преподнес мне на четвертый день нашей работы, когда я попросил его описать грозу, явившуюся причиной катастрофы. Он улыбнулся и ответил, понимая, чего стоит такое признание:

– А никакой грозы не было!

И действительно, метеорологическая служба подтвердила, что февраль тот был на Карибском море вполне обычным, спокойным и безмятежным. Правда, которую до той поры замалчивали газеты, заключалась в том, что корабль накренился от ветра; груз, плохо укрепленный на палубе, свалился в море, а вместе с ним в воде оказались и восемь моряков. Таким образом, вскрывалось три грубейших нарушения: во-первых, перевозить грузы на борту эсминца не разрешалось, во-вторых, корабль лишился маневренности и не смог подобрать выброшенных за борт людей именно из-за перегрузки, и, наконец, груз был контрабандным – перевозились холодильники, телевизоры и стиральные машины. Совершенно ясно, что рассказ неожиданно для нас самих оказался своеобразным эсминцем с плохо укрепленным политическим и моральным грузом на борту.

История была опубликована с продолжением в четырнадцати номерах газеты. Вначале даже само правительство приветствовало литературный дебют своего героя. Потом же, когда выплыла на свет правда, попытаться помешать нам печатать продолжение значило бы сесть в лужу, ведь тираж газеты возрос почти вдвое и напротив нашего здания постоянно собиралась толпа читателей, желавших иметь всю историю целиком и скупавших старые номера. Тогда, по традиции, принятой у колумбийских правителей, диктатура решила завуалировать правду разглагольствованиями: опубликовала коммюнике, в котором перевозка контрабандных товаров на борту эсминца категорически отрицалась.

Ища доказательства своей правоты, мы попросили у Луиса Алехандро список его товарищей, имевших фотоаппараты. Многие моряки разъехались по стране, проводя отпуск в разных местах, но все же нам удалось разыскать их и купить у них фотографии, сделанные во время плавания. Через неделю после завершения публикации в газете повесть целиком вышла в специальном приложении, иллюстрированном фотографиями, которые мы выторговали у моряков. На заднем плане групповых снимков отчетливейшим образом, вплоть до фирменных знаков, виднелись ящики с контрабандными товарами. В ответ на этот удар диктатура применила к нам драконовские меры, и в результате через несколько месяцев газета была закрыта.

Несмотря на все давление, угрозы и попытки соблазнить Луиса Алехандро Веласко крупными взятками, он не отказался ни от единого слова. Ему пришлось

расстаться с профессией моряка, единственной, которой он владел, и память о нем канула в Лету повседневности.

Прошло без малого два года, и диктатура пала; судьбами Колумбии стали распоряжаться другие режимы, выглядевшие поприличнее, но примерно такие же «справедливые», а я тем временем отправился в Париж, где началась моя неприкаянная и довольно тоскливая жизнь изгнанника, очень напоминавшая плот, отданный на волю волн. И мы долгое время ничего не слыхали о потерпевшем бедствие моряке, но несколько месяцев тому назад какой-то журналист случайно обнаружил его среди клерков автобусной компании. Я видел его фотокарточку: Луис Алехандро погрузнел и постарел, хлебнул лиха, но остался той же светлой личностью, героем, отважившимся взорвать свой собственный памятник.

Я не перечитывал эту историю целых пятнадцать лет, ее вполне можно опубликовать, хотя я и не вижу в этом особого смысла. Она выходит теперь отдельной книгой, потому что когда-то я, не подумав, дал согласие на ее издание и не привык брать свои слова назад. Меня угнетает мысль, что издателей интересуют не столько достоинства самого произведения, сколько имя его автора, который, к моему прискорбию, нынче в моде. К счастью, авторами некоторых книг бывают не те, кто их пишет, а те, кто их выстрадал, и перед вами – одно из таких произведений. А посему авторские права на него принадлежат тому, кто этого достоин: моему безвестному соотечественнику, которому пришлось десять дней промучиться на плоту без воды и пищи, дабы эта книга родилась на свет.

Барселона, февраль 1970 года.

Глава 1

О моих товарищах, погибших в море

22 февраля нам объявили, что мы возвращаемся в Колумбию. Мы уже восемь месяцев торчали в порту Мобил, в штате Алабама, где ремонтировалось

электронное оборудование и обновлялось вооружение нашего эсминца «Кальдас». Пока корабль чинили, члены экипажа проходили специальную подготовку. В свободные же дни мы занимались тем, чем обычно занимаются на суше моряки: ходили с девушками в кино, а потом собирались в портовом кабачке «Джо Палука», пили виски и периодически устраивали потасовки.

Мою девушку звали Мэри Эдресс, меня познакомила с ней через два месяца после нашего прибытия в Мобил подружка другого моряка. Хотя испанский давался Мэри легко, она, по-моему, так и не уразумела, почему мои приятели называли ее Мария Дирексьон, то есть «адрес». Всякий раз, когда мне давали увольнительную, я приглашал ее в кино, хотя она больше любила мороженое. Мы объяснялись на ломаном английском и исковерканном испанском, но всегда друг друга понимали: и в кино, и в кафе-мороженом.

Только однажды я пошел в кино без Мэри – в тот вечер, когда мы смотрели «Бунт на Каине». Моим товарищам кто-то сказал, что это отличный фильм о жизни моряков на тралере. Поэтому мы отправились его посмотреть. Но больше всего нам понравился не тралер, а шторм. Мы единодушно решили, что в такую бурю следует менять курс корабля, как и поступили мятежники. Когда мы, потрясенные фильмом, возвращались на судно, матрос Диего Веласкес сказал, имея в виду предстоящее плавание:

– А что, если и мы окажемся в такой переделке?

Признаюсь, я тоже был потрясен. За восемь месяцев, проведенных на суше, я отвык от моря. Бояться я не боялся, потому что инструктор научил нас, как надо себя вести во время кораблекрушения. И все же в тот вечер, когда мы смотрели «Бунт на Каине», меня охватило странное беспокойство.

Я не хочу сказать, что уже с того момента начал предчувствовать катастрофу. Но если честно, то я впервые так тревожился перед выходом в море. Ребенком я любил разглядывать изображавшие море и корабли картинки в книжках, но мне ни разу не пришло в голову, что в море можно погибнуть. Наоборот, я испытывал к нему огромное доверие. И, став моряком, никогда не волновался во время плавания.

Но я не стыжусь признаться, что после «Бунта на Каине» мной овладело чувство, весьма похожее на страх. Лежа на самой верхней койке, я думал о своих родных

и о том, как мы поплывем в Картахену. Я не мог заснуть и, подложив руки под голову, прислушивался к тихому плеску воды о мол и к мерному дыханию сорока матросов, спавших в одном помещении. Лежавший на нижней койке, прямо подо мной, Луис Ренхифо храпел, как тромбон. Понятия не имею, какие он видел сны, но наверняка бедняга спал бы не так сладко, если бы знал, что через восемь дней будет покоиться на дне морском.

Я не находил себе места целую неделю. День отплытия приближался с угрожающей быстротой, и я пытался обрести поддержку в разговорах с товарищами. Эсминец «Кальдас» был готов к отплытию. В эти дни мы все чаще говорили о наших родных, о Колумбии и о том, что будем делать после возвращения. Мало-помалу мы нагружали корабль подарками для близких: радиоприемниками, холодильниками, стиральными машинами и, главное, электроплитами. Я вез домой радиоприемник.

Перед отплытием, так и не сумев побороть тревогу, я дал себе слово уйти из флота сразу же, едва вернусь в Картахену. Хватит с меня опасных морских путешествий! Вечером, накануне отплытия, я пошел попрощаться с Мэри, собираясь рассказать ей о моих страхах и принятом решении. Но не рассказал, потому что обещал вернуться, а если бы она узнала, что я решил расстаться с морем, она бы мне не поверила. Единственный, с кем я поделился своими мыслями, был мой близкий друг, старший матрос Рамон Эррера, который признался в ответ, что и он намерен тотчас же по прибытии в Картахену бросить морскую службу. Делясь друг с другом опасениями, мы с Рамоном Эррерой и Диего Веласкесом отправились в кабачок «Джо Палука» пропустить на прощание по стаканчику виски.

Однако вместо стаканчика уговорили пять бутылок. Наши подружки, с которыми мы проводили почти каждый вечер, знали, что мы уезжаем, и решили проститься с нами, залить свое горе вином и в благодарность за все хорошее отметить наш отъезд. Руководитель оркестра, серьезный мужчина в очках, делавших его совершенно не похожим на музыканта, велел своим ребятам весь вечер исполнять в нашу честь танго и мамбу, отчего-то считая их колумбийской музыкой. Наши подружки плакали и пили виски, по полтора доллара за бутылку.

В последнюю неделю нам трижды выдавали жалованье, и мы решили как следует кутнуть. Я хотел напиться, потому что на душе было тревожно, а Рамон Эррера потому, что ему, как всегда, было весело, и вдобавок он родился в Архоне, умел играть на барабане и удивительно похоже подражал всем модным

певцам.

Мы уже собирались отчаливать, как вдруг к нашему столику подошел какой-то американский моряк и попросил у Рамона Эрреры разрешения пригласить на танец его девушку, гренадершу-блондинку, которая меньше всех пила и больше всех рыдала – причем искренне! Американец обратился к Рамону Эррере по-английски, а тот, грубо его отпихнув, проговорил по-испански:

– Ни черта не понимаю!

Драка, которая засим последовала, была – любо-дорого посмотреть: со стульями, которые ломались о головы противников, и вызовом по рации полицейских. Рамон Эррера, умудрившийся отвесить америкашке две шикарные оплеухи, вернулся на корабль в час ночи, распевая песни голосом Даниэля Сантоса. Он заявил, что это его последнее плавание. И действительно, так оно и вышло.

В три часа ночи 24 февраля эсминец покинул Мобил и взял курс на Картахену. Мы все были рады вернуться домой. Все везли подарки. Старшина Мигель Ортега казался самым веселым. По-моему, рассудительней моряка, чем Мигель Ортега, не было на всем белом свете. За восемь месяцев, проведенных в Мобиле, он не прокутил ни доллара. Все полученные деньги Мигель потратил на подарки жене, ждавшей его в Картахене. Ночью, когда мы отплывали, он стоял на палубе и рассказывал о своей жене и детях, что, впрочем, было вполне естественно, так как ни о чем другом он вообще не говорил. Мигель вез домой холодильник, стиральную машину-автомат и в придачу еще радиоприемник и электроплитку. Через двенадцать часов старшине Мигелю Ортеге суждено было пластом лежать на койке, страдая от морской болезни. А через семьдесят два – покоиться на дне морском.

Гости смерти

Когда судно снимается с якоря, то отдается приказ: «Все по местам!» И каждый остается на своем месте, пока корабль не покинет порт. Я молча стоял там, где мне полагалось: возле торпедных аппаратов, – и глядел на меркнувшие в тумане огни Мобила. Но думал не о Мэри, а о море. Я знал, что завтра мы будем в Мексиканском заливе и что в это время года там плавать опасно. Капитан-

лейтенанта Хайме Мартинеса Диего, который оказался единственным офицером, погибшим при катастрофе, я не видел до самого рассвета. Он был высоким, крепким, молчаливым мужчиной, которого я вообще видел считанное число раз. Я знал, что он родом из Холимы и очень славный человек.

Зато в то утро мне попался на глаза первый унтер-офицер, второй боцман Амадор Карабальо, рослый, статный… Он прошел мимо меня, поглядел на последние огоньки Мобила и отправился на свое место. Больше на корабле я с ним вроде бы не встречался.

Никто из членов экипажа «Кальдаса» не выражал своей радости по поводу возвращения столь бурно, как старший механик унтер-офицер Элиас Сабогаль. Это был настоящий морской волк: маленький, кряжистый, весь продубленный и очень говорливый. Ему скоро исполнилось бы сорок лет, и, вероятно, половину из них он проболтал.

Радовался унтер-офицер Сабогаль неспроста. В Картахене его ждали жена и шестеро детей. Но шестого он еще никогда не видел: малыш родился, пока мы торчали в Мобиле.

До рассвета все шло совершенно гладко. За какой-то час я вновь пообвыкся на корабле. Далекие огни Мобила терялись в дымке, предвещавшей спокойный день, а на востоке всходило солнце. Теперь я чувствовал не тревогу, а усталость. Я не спал всю ночь. И хотел пить. А о виски не желал даже вспоминать.

В шесть часов утра мы покинули гавань. После этого прозвучала команда: «Всем отбой. Вахтенные – по местам!» Услышав приказ, я тут же отправился спать. Внизу, под моей койкой, сидел и тер глаза, пытаясь проснуться, Луис Ренхифо.

– Где мы сейчас? – спросил он.

Я сказал, что мы только-только вышли из порта. Потом забрался на койку и попробовал заснуть.

Луис Ренхифо был настоящим моряком. Он родился в Чоко, вдали от моря, но любовь к нему была у Луиса в крови. Когда «Кальдас» встал на ремонт в Мобиле, Луис Ренхифо еще не числился в составе команды. Он проходил в Вашингтоне

курс оружейного дела. Луис отличался серьезностью, большим прилежанием и говорил по-английски так же хорошо, как и по-испански.

15 марта он получил диплом гражданского инженера. Там же, в Вашингтоне, он женился в 1952 году на доминиканке. Когда эсминец «Кальдас» отремонтировали, Луис Ренхифо приехал из Вашингтона в Мобил и устроился на корабль. За несколько дней до отплытия он сказал мне, что, вернувшись домой, прежде всего постарается перевезти в Картахену свою жену.

Поскольку Луис Ренхифо давно не плавал, я был уверен, что его укачает. В то первое утро, одеваясь, он спросил меня:

– Ну как, тебя еще не выворачивает?

Я ответил, что нет.

Тогда Ренхифо заявил:

– Через пару-тройку часов ты будешь валяться, высунув язык.

– Не я, а ты, – возразил я, а он парировал:

– Скорее море вывернет наизнанку, чем меня.

Лежа на койке и пытаясь вздремнуть, я вновь вспомнил про бурю. И вновь ожили страхи, мучившие меня накануне. Опять забеспокоившись, я повернулся к уже одетому Луису Ренхифо и сказал:

– Смотри! Еще сглазишь!..

Глава 2

Мои последние мгновения на борту «зверя, а не корабля»

– Мы уже в заливе, – сказал мне один из товарищей 26 февраля, когда я собирался на завтрак.

Накануне я немного беспокоился: какая нас ждет в заливе погода? Но, несмотря на незначительную качку, эсминец шел легко. Я с радостью подумал, что мои страхи оказались беспочвенными, и вышел на палубу. Берег уже скрылся из виду. Насколько хватало глаз, виднелись лишь синее небо да зеленое море. Вокруг была тишь да гладь. Однако на полубаке сидел бледный и осунувшийся Мигель Ортега, мучившийся морской болезнью. Началось это давно, когда еще вдали маячили огни Мобила, и уже целые сутки сержант Мигель Ортега не мог держаться на ногах, хотя плавать ему было не в новинку.

Он служил в Корее, на фрегате «Адмирал Падилья», много плавал и привык к морю. И все же, несмотря на штиль в заливе, он чувствовал себя прескверно. Казалось, Мигель вот-вот испустит дух. Его желудок не принимал никакой пищи, и мы, его товарищи по вахте, усаживали его на корме или на палубе, где он и сидел все время, пока не наступала пора вернуться в кубрик. Там он ложился на живот и лежал, повернув лицо к проходу между койками, в ожидании очередного приступа рвоты.

По-моему, именно Рамон Эррера сказал мне двадцать шестого вечером, что в Карибском море нам придется туго. По нашим расчетам, мы должны были выйти из Мексиканского залива после полуночи. Стоя на вахте у торпедных аппаратов, я предвкушал возвращение в Картахену. Поступив во флот, я увлекся изучением карты звездного неба. А с той ночи, когда «Кальдас» спокойно плыл по Карибскому морю, начал находить в созерцании звезд особое удовольствие.

Пожалуй, старый моряк, избороздивший все на свете океаны, способен по одной лишь манере движения корабля определить, в каком он сейчас море. Мой опыт, накопленный в Карибском море, где я получил свое первое морское крещение, подсказал мне, что мы уже там. Я взглянул на часы. Было полтретьего ночи. Два часа тридцать одна минута, двадцать седьмое февраля… Даже если бы корабль не так качало, я бы все равно догадался, что мы в Карибском море. А корабль качало. И мне, никогда не страдавшему морской болезнью, вдруг стало не по себе. Меня кольнуло странное предчувствие. И сам не знаю почему, я вдруг вспомнил о старшине Мигеле Ортеге, который лежал в трюме на койке, заходясь в приступах рвоты.

В шесть часов утра эсминец болтало на волнах, как скорлупку. Луис Ренхифо не спал.

– Ну, толстый, тебя еще не укачало? – спросил он меня.

– Нет, – машинально ответил я, однако поделился с ним своими опасениями.

Тогда Ренхифо, который, как я уже говорил, был инженером, всю жизнь прилежно учился и хорошо разбирался в морском деле, перечислил мне причины, по которым с «Кальдасом» в Карибском море не могло случиться ничего плохого.

– Это зверь, а не корабль, – изрек он. И напомнил, что во время войны именно в этих водах колумбийский эсминец потопил немецкую подводную лодку. – Это надежное судно, – авторитетно сказал Луис Ренхифо.

И, лежа без сна, не в силах отрешиться от качки на корабле, я бодрился, вспоминая его слова. Однако ветер задувал слева все сильнее, и я представил себе «Кальдас» со стороны – жалкое суденышко в грозном, вздыбленном море. В ту минуту мне вдруг пришел на память «Бунт на Каине».

Но хотя погода в течение дня не улучшилась, плавание проходило нормально. Стоя на вахте, я думал о скором возвращении в Картахену и строил планы на будущее. Буду переписываться с Мэри. Я собирался писать ей два раза в неделю, ведь мне это никогда не казалось тягостной обязанностью. Поступив во флот, я писал домой каждую неделю. И друзьям, жившим со мной в одном районе Олайя, частенько сочинял длинные послания. «Так что будет о чем написать Мэри», – подумал я и подсчитал, сколько времени осталось плыть до Картахены. Получилось ровно двадцать четыре часа. Это была моя предпоследняя вахта.

Рамон Эррера помог мне дотащить до койки старшину Мигеля Ортегу. Ему становилось хуже и хуже. С самого отплытия из Мобила, то есть уже целых три дня, у него маковой росинки во рту не было. Он почти не мог говорить, позеленел и покрылся испариной.

Пляска начинается

Пляска началась в десять часов ночи. «Кальдас» качало целый день, но все это были цветочки по сравнению с тем, что началось вечером, когда я, лежа без сна на койке, с ужасом думал о вахтенных на палубе. Я знал, что никто из лежащих рядом со мной не в состоянии сомкнуть глаз. Незадолго до полуночи я спросил Луиса Ренхифо, моего соседа снизу:

– Ну, тебя еще не мутит?

Как я и предполагал, Луис Ренхифо тоже не мог заснуть. Но, несмотря на качку, он не потерял чувства юмора. А посему заявил:

– Сколько раз тебе повторять: скорее море вывернет наизнанку, чем меня!

Он часто изрекал эту фразу, но в ту ночь едва успел договорить ее до конца.

Я уже писал, что меня одолевала безотчетная тревога, даже страх. Но действительно перетрухнул я в полночь двадцать седьмого февраля, когда по репродуктору отдали приказ:

– Всем на левый борт!

Мне было прекрасно известно, что означает подобная команда. Корабль дал сильный крен на правый борт, и его пытались выровнять тяжестью наших тел. Впервые за два года моряцкой жизни я по-настоящему испугался моря. Там, наверху, на палубе, где тряслись от холода промокшие вахтенные, свистел ветер.

Услышав команду, я тут же вскочил. Луис Ренхифо, сохраняя полное спокойствие, встал и направился к койкам по левому борту, которые были не заняты, поскольку хозяева несли вахту. Я отправился за ним, держась за соседние койки, но внезапно вспомнил о Мигеле Ортеге.

Он лежал пластом. Услышав команду, Мигель попытался встать, но в изнеможении рухнул обратно, просто-таки загибаясь от приступа морской болезни. Я помог ему подняться и перетащил беднягу на койку по левому борту. Он сказал мне безжизненным тусклым голосом, что ему совсем плохо.

– Мы постараемся, чтобы тебя освободили от вахты, – пообещал я.

Можете считать это черным юмором, но останься Мигель Ортега помирать на своей койке, он все-таки худо-бедно, но был бы сейчас жив!

В четыре часа утра двадцать восьмого числа, так и не сомкнув глаз, мы, то есть шестеро вахтенных, собрались на корме. Среди прочих был и Рамон Эррера, мой постоянный напарник. Из унтер-офицеров дежурил Гильермо Росо. Мне предстояло нести вахту в последний раз. Мне было известно, что в два часа мы должны прибыть в Картахену. Сдав вахту, я собирался тут же завалиться спать, чтобы вечером как следует поразвлечься, вернувшись на родину после восьмимесячного отсутствия. В полшестого утра я пошел с юнгой осмотреть днище корабля. В семь часов мы сменили своих товарищей, чтобы они смогли позавтракать. В восемь они сменили нас. В тот же час я сдал дежурство, которое прошло нормально, хотя ветер крепчал, а волны, вздымавшиеся все выше и выше, разбивались о мостик и заливали палубу.

Рамон Эррера стоял на корме. Там же в наушниках стоял Луис Ренхифо – он был дежурным спасателем. Старшина Мигель Ортега, которого совсем доконала его бесконечная морская болезнь, полулежал посреди палубы. Там меньше всего чувствовалась качка. Я перекинулся парой слов со вторым матросом Эдуарде Кастильо, нашим кладовщиком. Жены он не имел, жил в Боготе и держался очень замкнуто. О чем мы говорили, я не помню. Помню лишь, что увидел я его потом уже в море, когда он спустя несколько часов шел ко дну.

Рамон Эррера собирал листы картона, намереваясь прикрыться ими и попытаться уснуть. При такой качке находиться в трюме было невозможно. Волны, становившиеся все выше и сильнее, разбивались о палубу. Крепко привязавшись, чтобы нас не смыло волной, мы с Рамоном Эррерой улеглись между холодильников, стиральных машин и плит, хорошо укрепленных на корме. Лежа на спине, я глядел на небо. В таком положении я чувствовал себя спокойнее и не сомневался, что всего через пару часов мы очутимся в бухте Картахены. Грозы не было, день выдался совершенно ясный, видимость – полная, а небо – голубое и бездонное. Даже сапоги мне уже не жали, потому что, сдав вахту, я их снял и надел ботинки на каучуковой подошве.

Минута безмолвия

Луис Ренхифо спросил у меня, сколько времени. Было полдвенадцатого. Час назад корабль начал накреняться, прямо-таки заваливаться на левый борт. В репродукторах раздался тот же приказ, что и ночью: «Всем встать на бакборт!» Мы с Рамоном Эррерой не шелохнулись, поскольку именно там и находились.

Не успел я подумать о старшине Мигеле Ортеге, которого я только что видел на правом борту, как он вырос передо мной, шатаясь, перешел на нашу сторону и растянулся на палубе, совсем изнемогая от морской болезни. В этот момент корабль страшно накренился и ухнул вниз. У меня прервалось дыхание. Гигантская волна обрушилась на нас и окатила с головы до ног. Медленно-медленно, с превеликим трудом эсминец выправился на волнах. Несший вахту Луис Ренхифо был белее полотна. Он нервно произнес:

– Ну и дела! Посудина, чего доброго, перевернется!

Я впервые видел, как Луис Ренхифо нервничает. Промокший до нитки Рамон Эррера, который лежал рядом со мной, задумчиво молчал. Воцарилась глубокая тишина. Потом Рамон Эррера сказал:

– Если велят рубить канаты и сбрасывать груз за борт, я первым кинусь выполнять приказ.

Было без десяти двенадцать.

Я тоже думал, что вот-вот раздастся команда перерубить веревки. Как говорится, «сбрасывать балласт». Прозвучи приказ – и радиоприемники, холодильники и плиты тут же отправились бы в воду. Мне пришло на ум, что тогда надо будет лезть обратно в кубрик, ведь, сбросив холодильники и плиты, мы лишимся надежного укрытия. Без них нас смыло бы волной.

Корабль продолжал бороться с волнами, но с каждым разом накренялся все больше и больше. Рамон Эррера раскатал брезент и накрылся им. Новая волна, еще мощнее предыдущей, ринулась на нас, но мы уже юркнули под навес. Пережидая волну, я закрыл голову руками. Наконец волна прошла, а еще через полминуты захрипели репродукторы.

– Сейчас прикажут сбрасывать груз, – решил я.

Однако команда оказалась иной – спокойный, уверенный голос произнес:

– Всем, кто на палубе, надеть спасательные пояса.

Луис Ренхифо не торопясь надевал пояс одной рукой, а в другой держал наушники. После удара каждой большой волны я чувствовал сперва какую-то страшную пустоту, а потом – бездонную тишину. Я поглядел на Луиса Ренхифо, который, надев спасательный пояс, поправлял наушники. Потом закрыл глаза и четко услышал тиканье моих часов.

Я слушал его примерно минуту. Рамон Эррера не шевелился. Я прикинул, что сейчас должно быть без четверти двенадцать. До Картахены два часа ходу. В следующую секунду корабль словно повис в воздухе. Я высвободил руку, чтобы посмотреть, сколько времени, но не увидел ни руки, ни часов. Впрочем, волны я тоже не увидел. Я лишь почувствовал, что корабль переворачивается и ящики, за которые я держался, разъезжаются во все стороны. В мгновение ока я вскочил на ноги, вода была мне по шею. Я увидел позеленевшего Луиса Ренхифо, который молча, выпучив глаза, пытался выбраться из воды. Наушники он держал в вытянутой руке. Тут волна накрыла его с головой, и я поплыл кверху.

Пытаясь вынырнуть, я плыл одну, две, три секунды… Плыл, плыл… Мне не хватало воздуха. Я задыхался. Выплыв на поверхность, я увидел одно лишь море. Через мгновение, примерно в ста метрах от меня, из волн вынырнул корабль, с которого, как с подводной лодки, потоками стекала вода. Только тут я наконец сообразил, что меня выбросило за борт.

Глава 3

У меня на глазах тонут четверо моих товарищей

Вначале мне показалось, что в воде я оказался один. Держась на плаву, я увидел, что на эсминец, который находился метрах в двухстах от меня,

обрушилась новая волна, и он полетел в пропасть и скрылся из виду. Я решил, что он потонул. И тут же, словно подтверждая мои мысли, вокруг забултыхались бесчисленные ящики с товарами, которые загрузили на эсминец в Мобиле. Я барахтался среди коробок с одеждой, радиоприемников, холодильников и разной домашней утвари, среди ящиков, которые выныривали то там то сям, гонимые волнами. В тот момент я еще плохо понимал, что происходит. Не успев прийти в себя от потрясения, я схватился за один из ящиков и тупо воззрился на море. День был совершенно безоблачным. Только сильно вздымавшееся под ветром море да качавшиеся на волнах ящики наводили на мысль о катастрофе.

Внезапно поблизости послышались крики. В резком свисте ветра явственно различался голос Хулио Амадора Карабальо, высокого, статного второго боцмана, который кричал кому-то:

– Хватайте меня, хватайте меня за пояс!

И тут я словно очнулся от глубокого, хотя и минутного сна. До меня дошло, что я в море не один. Всего в нескольких метрах от меня перекликались мои товарищи. Я лихорадочно стал соображать, как быть. Никуда плыть я не мог. Я знал, что мы почти в двухстах милях от Картахены, но потерял ориентировку. Страха я, однако же, не испытывал. На какой-то миг мне показалось, что, пока нас не спасут, я смогу продержаться на воде, ухватившись за ящики. Меня утешала мысль о том, что другие находятся в таком же положении, как и я. И вот тут-то я и увидел плот.

Вернее, два одинаковых плота, находившихся метрах в семи друг от друга. Они внезапно вынырнули на гребне волны с той стороны, откуда доносились крики моих товарищей. Мне показалось странным, что никто из моряков не доплыл до них. Вдруг один из плотов исчез. Я не знал, как поступить: то ли поплыть ко второму, то ли не рисковать и по-прежнему цепляться за ящик: мне это казалось надежным способом удержаться на воде. Я еще не успел принять никакого решения, но инстинкт самосохранения уже направил меня ко второму плоту, который с каждым мгновением все удалялся и удалялся. Я плыл примерно три минуты. В какой-то момент я потерял плот из виду, но старался придерживаться взятого направления. И вдруг его прибило прямо ко мне – большой, белый, пустой плот! Я изо всех сил вцепился в пеньковую сеть и попытался на него забраться. Удалось мне это только с третьего раза. Уже на плоту, задыхаясь, не зная, куда деваться от хлещущего холодного и безжалостного ветра, я сделал над собой огромное усилие и встал. А встав, увидел неподалеку моих

товарищей, которые старались доплыть до плота.

Я их тут же узнал. Кладовщик Эдуарде Кастильо цепко держал за шею Хулио Амадора Карабальо, на котором был спасательный пояс, потому что в момент катастрофы он нес вахту. Хулио Амадор кричал:

– Крепче держись, Кастильо!

Они барахтались среди покачивающихся на волнах ящиков метрах в десяти от меня.

С другой стороны находился Луис Ренхифо. За несколько минут до того я видел его на эсминце, он пытался выбраться из воды, зажав в поднятой правой руке наушники, не потеряв своей всегдашней выдержки и уверенности, с которой он заявлял, что скорее море вывернет наизнанку, чем его, он скинул рубашку, чтобы легче было передвигаться, но потерял спасательный пояс. Даже не видя его, я все равно узнал бы Луиса по голосу.

– Эй, толстый, греби сюда! – крикнул он.

Я поспешно схватился за весла и попробовал подгрести к товарищам. Хулио Амадор, которого крепко держал за шею Эдуарде Кастильо, приближался к плоту. За ним, далеко позади показалась маленькая фигурка четвертого моряка, Рамона Эрреры, который махал мне рукой, уцепившись за ящик.

Всего три метра!

Если бы меня заставили выбирать, я не знал бы, к кому из моих товарищей направить плот прежде всего. Однако, увидев Рамона Эрреру, зачинщика драки в Мобиле, весельчака из Архоны, который всего несколько минут тому назад лежал рядом со мной на корме, я изо всех сил погреб к нему. Но мой почти двухметровый плот оказался ужасно неповоротливым в разбушевавшемся море, и вдобавок мне пришлось грести против ветра. По-моему, я не смог продвинуться ни на йоту. В отчаянии я поглядел по сторонам и увидел, что Рамона Эрреры на воде уже нет. Только Луис Ренхифо уверенно плыл к плоту. Я

не сомневался, что он доберется. Я помнил его оглушительный храп, похожий на звук тромбона, и был убежден, что сила его воли сильнее стихии.

Хулио Амадор все еще поддерживал Эдуарде Кастильо, не давая ему уйти под воду. До плота им оставалось меньше трех метров. Я подумал, что, если они подберутся чуть поближе, я смогу протянуть им весло. Но тут гигантская волна подбросила плот в воздух, и, взлетев на высоченном гребне, я увидел мачту нашего эсминца. Когда я очутился внизу, Хулио Амадор и цеплявшийся за его шею Эдуарде Кастильо исчезли. А Луис Ренхифо по-прежнему размеренно плыл к плоту, до которого ему оставалось всего два метра.

Не знаю, почему я совершил такую глупость: уверившись в бесплодности своих попыток продвинуться вперед, я воткнул весло в воду, словно стараясь удержать плот на одном месте, пригвоздить его к воде. Уставший Луис Ренхифо приостановился, поднял руку – как тогда, когда держал наушники, – и опять крикнул:

– Греби сюда, толстый!

Ветер не переменился. Я прокричал ему в ответ, что не могу грести против ветра, и попросил поднатужиться, сделать последний рывок, но, по-моему, он меня не услышал. Ящики с товарами остались позади, плот плясал из стороны в сторону на волнах. В мгновение ока я очутился в пяти с лишним метрах от Луиса Ренхифо и потерял его из виду. Но он подныривал под волны, чтобы они не относили его далеко от плота. Я стоял, держа наготове весло, и ждал, когда Луис Ренхифо подберется так близко, что сможет до него дотянуться. Но он уже утомился и начал отчаиваться. Потом, уже уходя под воду, Луис снова крикнул:

– Толстый!.. Толстый!..

Я заработал веслами, но опять безрезультатно. Сделал последнюю попытку дотянуться до Луиса, но его поднятая рука, которая совсем недавно спасала от воды наушники, теперь сама навсегда погрузилась в воду, в каких-нибудь двух метрах от весла.

Бог весть сколько времени я стоял с поднятым веслом, балансируя на плоту. Стоял и пристально глядел на море. Ждал, что вот-вот кто-нибудь из моих друзей покажется над водой. Но в море было пусто, а крепчавший ветер рвал на

мне рубашку, завывая, точно собака.

Ящики с товарами исчезли. Судя по неуклонно удалявшейся мачте корабля, эсминец не затонул, как мне показалось вначале. На душе полегчало. «За мной вот-вот приплывут», – подумал я. А еще я решил, что кто-нибудь из моих товарищей, наверно, добрался до второго плота. По идее им ничто не могло помешать. Эти плоты, как и прочие на нашем эсминце, не были оснащены. Но их в общей сложности имелось шесть штук, не считая шлюпок и вельботов. Я не видел ничего удивительного в том, что мои товарищи добрались, подобно мне, до плотов, я думал, что эсминец нас уже разыскивает.

И тут я вдруг осознал, что на небе светит солнце. Знойное, раскаленное, словно металл, полуденное солнце. Я тупо, еще не до конца придя в себя, взглянул на часы. На них было ровно двенадцать.

Один!

Когда Луис Ренхифо в последний раз спросил меня на эсминце, сколько времени, было полдвенадцатого. Без десяти я опять поглядел на часы, это произошло еще до катастрофы. Когда же я посмотрел на циферблат на плоту, стрелки показывали ровно двенадцать. Мне казалось, прошла целая вечность, а в действительности прошло всего десять минут с тех пор, как я в последний раз глядел на часы, находясь на борту эсминца, и за это время я успел доплыть до плота, пытался спасти товарищей, а потом стоял, как истукан, глядя на пустое море, слушая резкий вой ветра и думая, что мне придется минимум два, а то и три часа ждать, пока меня подберут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gabriel-markes/rasskaz-cheloveka-okazavshegosya-za-bortom-korablya-2-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить